

Как говорится, новая метла метёт по-новому. И это чистая правда. Стоило мне принять бразды правления в качестве принца-регента, как все ведомства тут же зашевелились, и накопившиеся за долгое время доклады посыпались на меня лавиной, буквально похоронив в кабинете. Эти «первые шаги» вышли настолько жаркими, что у меня от одних только переживаний губы обметало лихорадкой.

Во-первых, после той ночи, что я провел в императорских гробницах, вымаливая прощение, уж не знаю, растрогался ли мой покойный батюшка или случилось что-то ещё, но он явил знамение! Сегодня министра ритуалов принесли ко мне на носилках в полуобморочном состоянии. Обливаясь слезами, он сообщил, что в Императорских гробницах вспыхнул пожар. Огонь, к счастью, разгореться не успел, лишь повредил один из их углов. Бедный министр уже успел заказать себе гроб из узорчатой груши и клялся, что по первому моему слову готов лечь в него, дабы лично отправиться к покойному императору с повинной.

Кое-как утешив несчастного министра, я отдал приказы о немедленном ремонте и расследовании причин пожара. Едва я закончил с этим, в кабинет ворвался евнух Лу Цзюань со срочным докладом. Оказывается, принц Дунчэн вовсю сеял смуту: он распускал слухи, будто пожар в Императорских гробницах моего августейшего отца — моя вина. Мол, моё незаконное регентство разгневало небеса, и пламя там — кара за мои грехи.

Я выслушал его и мысленно хмыкнул:

«А ведь звучит, чёрт побери, логично!»

Затем я велел немедленно схватить принца Дунчэна и бросить в застенки Верховного суда. Пожар в Императорских гробницах моего покойного отца — дело серьёзное, и хотя министр ритуалов допустил оплошность, новость держали в строжайшей тайне. Огонь едва разгорелся, так как же принц Дунчэн, живущий далеко за пределами дворца, узнал обо всём ни свет ни заря? Тут и думать нечего: этот мерзавец либо сам всё подстроил, либо точно был в сговоре.

Страж Сюй Чанчжи осторожно поинтересовался, стоит ли так поступать. Всё-таки принц Дунчэн — титулованный князь, назначенный ещё покойным императором, да и человек почтенного возраста. Такой арест мог вызвать недовольство среди чиновников. Не лучше ли собрать совет и объяснить всем истинные причины?

Совет?! Он спалил крышу над головой моего покойного отца, с какой стати я должен щадить его самолюбие? Я лишь усмехнулся и вызвал Чжун Бочэня, велел ему замять все слухи, правдивые и ложные.

Великий канцлер Чжун сработал молниеносно. Всего за день он собрал неопровержимые улики, доказывающие, что принц Дунчэн лично приказал своим людям поджечь императорские гробницы. Отчитываясь мне, он спокойно произнёс:

— Ваше высочество, не стоит ломать голову над тем, виновен ли он на самом деле. Я сделаю его козлом отпущения, чтобы прекратить все эти грязные наветы на вас.

Под маской благородного мужа у нашего великого канцлера скрывалось поистине чернейшее, до зеркального блеска отполированное сердце. Впрочем, его эффективностью я остался крайне доволен. Какая разница, князь он там или нет, — главное, что не из нашей династии Цэнь. Какой-то иноплеменный выскочка посмел потревожить вечный покой моего отца, который только-только начал засыпать спокойно! То, что я не содрал с него кожу заживо, уже можно считать верхом милосердия.

Не успели мы разобраться с делом о поджоге, как грянула новая, куда более страшная беда: на северо-западной границе, у застав Пробуждения насекомых и Мирного письма, вспыхнул военный мятеж. Возглавил его бывший помощник генерала из армии принца Чуна.

Ну вот и всё. Мой непутёвый шестой брат оставил после себя кашу, которую мы так и не расхлебали. Великий канцлер Чжун снова тихонько вошёл в мой кабинет и спросил, не нужно ли ему лично отправиться на усмирение бунта. Глядя на его хрупкую фигуру, я всерьёз испугался, что в суматохе его затопчут кони мятежников. Поэтому я решил взять это дело на себя и отправиться туда лично.

— Ваше высочество, вы снова лишились рассудка? — Чжун Бочэнь, похоже, совсем лишился сна: под его глазами залегли глубокие тёмные тени, а голос звучал непривычно резко. — Ваша поездка в военный лагерь — это всё равно что прыжок тигра в пасть.

— В детстве я из казарм не вылезал. Если бы это была тигриная пасть, от меня бы уже давно и костей не осталось, — фыркнул я, глядя на его покачивающуюся фигуру. — Посмотри на себя, на кого ты стал похож от этой усталости! Я же говорил тебе: ты — мой залог спокойного будущего. Если не станет принца-регента, найдётся ещё тысяча таких Цэнь Юэ. Но если не станет Чжуна Бочэня, судьба нашего царства сократится наполовину.

— Ваше высочество. Во-первых, я не собираюсь так легко умирать. Во-вторых... — взгляд Чжуна Бочэня внезапно стал ледяным, и каждое слово он отчеканил с непоколебимой твёрдостью: — Пока живы вы — жив и я. Если вас не станет, Бочэнь больше ни для кого не будет канцлером.

Ох, как же у меня разболелся живот! Я схватился за бок, покрываясь холодным потом. Чжун Бочэнь, заметив, как я смертельно побледнел, вмиг переменился в лице, подбежал ко мне и бережно усадил в кресло. Я ткнул в него дрожащим пальцем и простонал с видом величайшего мученика:

— Господин канцлер, умоляю, пощадите меня! Пожалуйста, прекратите говорить со мной столь проникновенно. Моя рана на животе ещё толком не затянулась. От переизбытка чувств я ведь могу не только горькие слёзы пролить, но и кровью истечь!

Чжун Бочэнь тут же раскаянно опустился на колени рядом со мной и осторожно прижал ладонь к моему многострадальному животу:

— Неужели вы забыли, ваше высочество? Однажды мы...

— Ваше высочество! Срочное донесение! — как это всегда бывает в дешёвых пьесах, самые важные слова прерывают на полуслове.

У меня внутри всё так и зазудело от любопытства:

«Так и хочется схватить его за грудки и заставить договорить!»

Однако страж Сюй Чанчжи влетел в кабинет подобно пушечному ядру и, проскользив на коленях до самого кресла, протянул мне запечатанный свиток с военной вестью.

Развернув послание, я едва не лишился чувств. Только благодаря тому, что Лу Цзюань неистово тёр мне спину, а Чжун Бочэнь бережно массировал грудь, я наконец сумел выдохнуть застрявший в горле ком воздуха.

Мой второй брат, принц Шунь, тоже взбунтовался! Воспользовавшись мятежом у двух пограничных застав, он собрал семью, личную гвардию и бежал на запад. Мол, раз старший брат смог отхватить кусок земли на юге и провозгласить себя правителем, почему бы ему не сделать то же самое? Устроить, так сказать, эпоху Троецарствия!

— Отец! Ну и сыновей ты после себя оставил! — в сердцах выкрикнул я и принялся хлестать себя по щекам.

Перепуганный Лу Цзюань поспешно перехватил мои руки:

— Ваше высочество! Принц Шунь взбунтовался, но при чём тут вы?! Зачем вы себя калечите?

— Я прошу прощения за всю нашу династию Цэнь перед многострадальным народом! — я густо покраснел от стыда и ярости.

Второй брат выбрал идеальное время для побега. На западе бунтуют заставы, на севере строит козни тюркское племя во главе с Ашиной, а семья генерала Цзи Оу до сих пор в плену, из-за чего в армии царит полнейший хаос. На юге же меня поджидает старший брат с занесённым мечом, готовый отрубить мне голову при первой же возможности.

— Ваше высочество, я с вами. Не тревожьтесь, — Чжун Бочэнь мягко коснулся моих горящих от пощёчин щёк.

Его тихий голос мгновенно подействовал на меня как успокоительное. К счастью, я боролся не в одиночку — рядом со мной была надёжная опора. Правда, эта опора была всего лишь хрупким книжником, который рассыплется от одного удара сабли. Мне следовало беречь его

пуще прежнего, ведь он оставался единственной надеждой для нашей истерзанной страны.

Генерал Вэй Чэн сейчас держал оборону на заставе Холодной долины, следя за каждым шагом тюрков Ашины. Отвлекать дядю Вэя ради подавления внутреннего мятежа было нельзя ни в коем случае. Взяв Чжун Бочэня под руку, я направился в императорский кабинет, куда также вызвал военного министра Ань Сунлина и командира лёгкой кавалерии Вэй Юньлана. Когда все собрались, мы молча отхлебнули горячего чая, чтобы унять волнение, после чего я приказал Сюй Чанчжи привести моего шестого брата, принца Цзиня.

Услышав, что я собираюсь позвать принца Цзиня, военный министр Ань Сунлин поперхнулся и брызнул чаем прямо на мой письменный стол. Лу Цзюань в ужасе схватил тряпку и принялся судорожно вытирать лужу.

— Ваше высочество! — воскликнул Ань Сунлин, утирая рот рукавом. — Принц Цзинь натворил столько бед! То, что вы оставили его под домашним арестом в собственном поместье, уже предел вашего великодушия. Сейчас ни в коем случае нельзя доверять ему важные государственные дела!

Я обошёл стол, крепко взял министра за руки и запричитал со слезами на глазах:

— Господин Ань! У меня ведь братьев-то раз-два и обчёлся. Двое уже взбунтовались. Этот паршивец хотя и горазд лишь дрова ломать, но он хотя бы не пытается свергнуть меня! Давайте дадим этому оболтусу ещё один шанс.

— Эх... — вздохнул Ань Сунлин. Человеком он был незлобивым. Достав из широкого рукава расшитый платок, он принялся аккуратно промакивать мокрую бороду и тихонько пробормотал, явно хвастаясь: — Слава богам, у меня всего одна дочь... Никаких забот. И на лошади скачет, и мечом машет, да ещё и платки отцу вышивает...

Я искренне позавидовал его образцовой дочери. Будь мой покойный отец жив, он наверняка ударил бы по столу кулаком и взревел: «Я настрого целую ораву сыновей, и хоть бы один вырос нормальным! Если бы их было меньше, мы бы уже давно по миру пошли!»

Впрочем, господин Ань заслуживал глубокого уважения. Моя родня наворотила дел, а преданным министрам теперь приходилось выбиваться из сил, разгребая эти авгиевы конюшни. Я уже собирался рассыпаться в ответных любезностях, как вдруг Сюй Чанчжи втащил моего шестого брата.

Несчастливого принца Цзиня швырнули на пол, связанного по рукам и ногам, отчего он жалобно, совсем по-детски шмыгнул носом. Разозлившись, я подпрыгнул на месте и вцепился в ухо Сюй Чанчжи:

— Я велел тебе привести его, а не связывать!

— Ваше высочество, вы же сказали «доставить его к вам»... — Сюй Чанчжи был парнем рослым, но стоило мне потянуться к его уху, как он услужливо пригнулся, подставляя голову.

Весь мой запал мгновенно испарился. Я отпустил его ухо и решил нанести удар снизу — отвесив ему пинка под колено. Однако его нога оказалась твёрдой, как железный лом. Я почувствовал тупую боль в пятке, а страж даже не шелохнулся.

— Ваше высочество, не извольте гневаться. Я пойду и приму наказание плетью... — покорно произнёс Сюй Чанчжи, пятясь к выходу.

Я высунулся в окно и крикнул ему вслед:

— Какими ещё плетью, дубина! Собери мне провиант в дорогу, мы отправляемся в поход!

Мой шестой брат продолжал лежать на полу, демонстративно повернувшись ко мне задом в знак протеста. Глядя на эту упрямую физиономию, не выдающую ни капли раскаяния, я вспылil и слегка пнул его пониже спины:

— Из-за твоих глупых приказов и безрассудных арестов на границе вспыхнул бунт!

— Но я ведь уже понёс наказание! — сердито пропыхтел он, перекатываясь на бок и усаживаясь на пол. Он сердито уставился на меня: — Я написал покаянное письмо и просидел под замком столько времени! Чего ещё ты от меня хочешь?!

— Ах ты паршивец! — мы с военным министром подскочили одновременно, готовые обрушить на него праведный гнев. Но министр вовремя вспомнил о приличиях и поспешно опустился обратно на стул. Мне же на приличия было плевать. Я его старший брат, он мой единственный младший братишка, которого наша матушка разбаловала до невозможности. И моя святая обязанность — вправить ему мозги!

— Смута на границе — это голод, пожары и страдания невинных! Люди лишаются крова! Подавление бунта — это война, а на войне гибнут люди! И не один или два человека, а тысячи! В чём виноваты простые крестьяне?! В чём виноваты солдаты?! — я схватил его за щёки, заставляя широко раскрыть узкие испуганные глаза. — Тебе кажется, что война — это шутки? Ты что, забыл уже, от чего умер наш отец?!

Шестой брат опешил от моего напора. В его блестящих от подступающих слёз глазах отражалось лишь моё разгневанное лицо. Спустя мгновение он задрожал, и по щекам покатались крупные слёзы.

— Не забыл... — едва слышно прошептал он.

— Каждая битва, независимо от того, кто победит, уносит жизни отцов, сыновей и мужей. Они

гибнут на полях сражений из-за чьих-то амбиций, — я подтащил его к письменному столу и с грохотом опустил перед его носом императорскую печать. — Эта вещица кажется тебе бесценной, да? Хочется вцепиться в неё мёртвой хваткой и никому не отдавать? Но понимаешь ли ты, что один-единственный твой отпечаток на бумаге может оборвать тысячи жизней?!

— Брат, я правда всё понял... мне очень жаль... — мой изнеженный младший брат наконец осознал всю тяжесть содеянного и не на шутку испугался.

Доселе молчавший Вэй Юньлан спокойно заговорил:

— Ваше высочество, дело не только в том, осознали вы вину или нет. Ошибку нужно исправить. Раз этот бунт вспыхнул из-за ваших опрометчивых действий, вам надлежит лично отправиться на границу и принести извинения несправедливо обвинённым воинам.

Вэй Юньлан унаследовал от своего отца, генерала Вэя, не только суровую, статную внешность, но и благородную выправку. Однако молодой Вэй явно отличался куда более сдержанным и рассудительным характером. Я только успел восхититься тем, как молодое поколение превосходит старое, как мой шестой брат разрыдался, пуская пузыри из носа, и мгновенно вернул меня с небес на землю.

— Я... я не поеду! — испуганно завопил он, цепляясь за мой рукав. Он выглядел охваченным паникой и глубокой обидой. — Я же настроил их всех против себя! Если я покажусь им на глаза, они меня живьём разорвут! Пятый брат, ты уже заточил нашу матушку в темницу, неужели теперь ты хочешь избавиться и от меня?! Я ведь твой родной брат...

О боги, мой живот теперь точно никогда не заживёт. От его слов у меня внутри всё перевернулось от глухой тоски.

Не слушая его причитаний, я за шиворот затащил его в карету, готовую к отправке на запад. С нами поехали Вэй Юньлан и Чжун Бочэнь, а в довершение ко всему в повозку впихнули и императорского лекаря Шангуань Ся. Ведение всех государственных дел я временно возложил на военного министра и министра чинов, а командование императорской гвардией поручил Сюй Чанчжи.

Я также спешно вызвал в столицу третьего брата, принца Цина, и четвертого, принца Миня. Накануне отъезда я собрал старых министров и оставил им наставление: «Если по дороге со мной случится непоправимое, и вы решите возвести на престол третьего брата, просто отдайте ему государственную печать. Если он не справится — передайте её четвертому».

Министр чинов Ян Ханьсун схватился за голову в полнейшем ужасе:

— Ваше высочество, одумайтесь! Принц Цин думает лишь о том, как бы скопить побольше золота, в такое смутное время он сидит в своём поместье и пересчитывает монеты! А принц Минь слишком слаб здоровьем, его интересует только музыка, до государственных дел ему и

дела нет! Ни один из них не способен удержать бразды правления нашей страной!

Я мысленно согласился с ним. Если бы мои старшие братья не были столь никчёмными, отец ни за что бы не оставил трон мне. Понимая это, я уверенно ударил себя кулаком в грудь:

— Не беспокойтесь. Что бы ни случилось, я позабочусь о том, чтобы наш великий канцлер вернулся невредимым. Я оставляю ему тайный указ о передаче престола.

Присутствующие чиновники разом рухнули на колени, со стуком прижимаясь лбами к полу. Ян Ханьсун вцепился в мои полы и запричитал:

— Ваше высочество! Если вы подпишете этот указ, вам точно не суждено вернуться живым! Будь я на месте Чжун Бочэня, я бы собственноручно придушил вас прямо в дороге!

Что ж... Похоже, глубина коварства Чжун Бочэня была известна всем в столице. Но чего они не знали, так это того, что ко мне он относится со всей искренностью и преданностью.

В итоге наш «отряд смертников» без тени сомнений двинулся в путь. Проводы министров сопровождались столь горячими слезами, будто меня отправляли прямиком на эшафот.

И надо же было моему несчастному языку снова оказаться пророческим! Мы даже не успели добраться до границы, как нас настигла беда. Спереди путь преграждали пограничные бунтовщики, а сзади наступал мой второй брат — тот самый принц Шунь, который бежал полпути, но, прослышав о наших передвижениях, развернулся и решил напасть на нас.

Всей нашей малочисленной компании пришлось укрыться в богом забытом приграничном городке. Сидя в полуразрушенном доме, сквозь щели которого свистел ледяной ветер, я лихорадочно соображал, как бы незаметно переправить Чжун Бочэня в безопасное место. Однако глубокой ночью великий канцлер внезапно исчез, а через некоторое время вернулся, ведя за собой человека прямо сквозь кольцо вражеских клинков.